

Современная настроенія и дѣйствительная жизнь.

(Изъ лекціи А. А. Фомина).

I.

XX вѣкъ, сказалъ лекторъ, унаслѣдовалъ отъ XIX-го въ области искусства т. наз. „настроенія“. Они признаны необходимыми атрибутомъ искусства, чѣмъ то новымъ, пикантнымъ. Какъ будто до сихъ поръ люди жили безъ всякихъ настроеній. Но стоитъ вспомнить,—чтобы такое мнѣніе опровергнуть,—Достоевскаго, съ его рѣзко выраженными настроеніями обиженныхъ, угнетенныхъ людей, Островскаго съ гнетущимъ настроеніемъ „Темнаго царства“ и пр. Какое же значеніе подразумевается въ этомъ старомъ, но какъ бы обновленномъ словечкѣ?

Настроеніе нельзя смѣшивать съ направлениемъ. Въ Гоголѣ послѣднее было очень сильно безъ осязательнаго присутствія перваго. Многіе шедевры творчества расцвѣтали пышнымъ цвѣтомъ, но безъ этого аромата, который мы любимъ и въ полевыхъ цвѣтахъ. Сколько однако ни было интереснаго въ идеѣ, въ содержаніи прежнихъ писателей реалистовъ—мы обратили теперь особенное вниманіе на ту частность техники, которая даетъ тонкую прелесть настроенія. Когда оскудѣваетъ поэтическое творчество, вопросъ о настроеніи становится важнымъ. Въ литературѣ оно считается теперь чуть не единственнымъ признакомъ творчества. Но нельзя по одному лишь признаку составлять понятіе о цѣломъ. Для серьезной оцѣнки слѣдуетъ и теперь пользоваться прежними приемами анализа. Критика была невнимательна, придирчива къ продуктамъ новаго творчества, среди которыхъ есть цѣнные образцы не одного настроенія, но и серьезной идеи.

Лекторъ перешелъ къ разбору произведенія, принадлежащаго къ ихъ числу—„Трехъ сестеръ“ Чехова. Въ немъ свободно, безъ эффектовъ, отразились характернѣйшія явленія современной жизни. Главнымъ образомъ тутъ обрисована молодежь конца 19-го вѣка. Но важны въ пьесѣ не однѣ только три сестры, а цѣлая коллекція лицъ, какъ бывало у Островскаго, Гробоѣдова, Гоголя. Слышатся въ дѣйствующихъ лицахъ озвучки типовъ и Тургенева, но это не значитъ, что ими лишь банально повторено прежнее: это сыновья и внуки людей 60 годовъ, въ новыхъ формахъ, въ новой образкѣ.

Странно характеризуетъ лекторъ собственно „трехъ сестеръ“: „онѣ миловицы, обезпечены (при чемъ это качество?), умны, образованы, добры, безъ всякихъ капризовъ и претензій, словомъ, по нивѣшнему времени, почти идеальныя женщины (въ смыслѣ невѣсты, что-ли?)—а между тѣмъ, онѣ несчастнѣйшія существа, томимыя въ безпричинной тоскѣ“ и пр. Лекторъ понимаетъ, что въ городѣ, гдѣ только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, разнообразіе эти занятія сплетней, водкой и картами, сестрамъ должно быть скучно. Но онъ повидимому обвиняетъ ихъ за неумѣнье найти выходъ изъ этого тоскливаго существованія, за то, что онѣ для этого палецъ о палецъ не ударили; онъ не сочувствуетъ имъ, какъ наприм. Жданову Островскаго въ „Доходномъ мѣстѣ“. Онъ не понимаетъ, почему Ирина, признающая, что трудъ есть смыслъ жизни, или не работаетъ или не удовлетворяется работой. Но ей онъ еще охотнѣе прощаетъ—трудъ бываетъ и безъ поэзіи. Гораздо больше возмущаетъ его старшая, Ольга;

положеніе ея самое блестящее—она начальница гимназіи. Тутъ-ли, казалось-бы, не утонуть въ поэзіи работы, не наполнить свою жизнь высокимъ смысломъ до краевъ,—а между тѣмъ Ольга тоже тоскуетъ, разочарована, несчастна! Она савъ унылый конецъ пьесы, лекторъ заключаетъ, что никакія мечты о будущемъ счастьѣ человечества, которыми Ольга грустно пытается ободрить сестеръ, не утѣшать, не обновятъ ихъ. Послѣ этого г. Фоминъ довольно неожиданно, въ противорѣчіе съ его осужденіемъ сестеръ, нашелъ для разочарованія молодежи конца минувшаго вѣка серьезныя основанія; но увидѣлъ онъ основанія довольно одностороннія—только въ словахъ Андрея Прозорова о гнетѣ его воспитанія, и въ этомъ гнетѣ призналъ коренную причину, создавшую такіе унылые характеры среди молодежи. Главная-же вина всѣхъ недовольныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы и главное ихъ несчастье, по мнѣнію лектора, состоятъ въ неумѣннѣ найти въ трудѣ (повидимому—всякомъ) наслажденіе, удовольствіе. Къ этой мысли онъ возвращался нѣсколько разъ и впоследствии. Можно быть простымъ телеграфистомъ,—говорилъ онъ,—и сознавать свое значеніе, свою цѣнность въ многомилліонной массѣ разнообразныхъ тружениковъ человечества; въ этомъ сознаніи можно черпать счастье, находить пищу для сердца и ума. Тѣ, кто спрашиваетъ, зачѣмъ имъ жить—лишены этого сознанія. Нѣтъ его между прочимъ и у чеховскихъ героевъ. Примяетъ съ ними только то, что въ нихъ не потухла надежда на брѣжжущій вдали свѣтъ, на будущую свободу отъ картъ, сна послѣ обѣда, гуся съ капустой и проч. Драматизмъ-же пьесы заключается въ ихъ нравственномъ банкротствѣ для настоящей минуты. Они запутались въ паутинѣ, принявъ ее за цѣпи. И мечутся изъ угла въ уголь или безвольно сидятъ сиднями. Въ нихъ нѣтъ увлеченія „трудомъ“, спасающаго человѣка отъ объятий равнодушія, скуки.

Настроеніе родственное „тремъ сестрамъ“ видитъ лекторъ и въ повѣсти „Трое“ Горькаго. Главный интересъ этого писателя онъ признаетъ не въ выборѣ темъ и вопросовъ—босыя трактывались въ литературѣ и раньше,—а въ томъ, какъ они имъ затронуты. Что такое падшіе люди? Прежде всего люди. У нихъ, говоря словами Горькаго, то же мясо и кости, тѣ же нервы. Съ рѣдкимъ искусствомъ отыскиваетъ писатель и въ самомъ одачавшемъ человѣкѣ черты высшаго существа. Вышняя жизнь людей служитъ ему лишь фономъ для изображенія чело-вѣческой души. Несмотря на теперешнюю холодность публики къ литературѣ, она замѣтила въ Горькомъ искры этой правды и красоты.

Горькаго лекторъ считаетъ во многомъ сходнымъ съ Мопассаномъ, но отдаетъ ему предпочтеніе въ изображеніи отношеній мужчины и женщины: онъ ихъ описываетъ просто, естественно, не наслаждаясь подробностями, не подчёркивая, и служа всегда лишь главной цѣли.

Огромное достоинство Горькаго видитъ еще лекторъ въ его описаніяхъ природы, болѣе чѣмъ что другое характеризующихъ художественную восприимчивость. Чѣмъ лучше художникъ описываетъ природу, тѣмъ онъ выше. Чувство это вытекаетъ изъ близости къ природѣ, что не дается никакимъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи лекторъ ставитъ Горькаго на одну доску съ Гоголемъ и Лермонтовымъ, особенно съ первымъ, по мощности, великолѣпію его картинъ природы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Современныя настроенія и дѣйствительная жизнь.

(Изъ лекцій А. А. Томина).

(Окончаніе).

П.

Трехъ мальчиковъ изъ повѣсти Горькаго — Илью, Якова и Павла лекторъ считаетъ составляющими pendant къ тремъ сестрамъ Чеховской драмы; они братья по духовному сродству. Въ то время, какъ въ интеллигенціи исчезаетъ нравственная связь между людьми и все болѣе распространяется апатія, въ низшихъ классахъ растетъ и духовная связь, растетъ и потребность борьбы съ дурными условіями. Они ищутъ нравственныхъ устоевъ. Послѣ освобожденія массы народа страшно трудно было организациа ея жизни въ огромной странѣ. Это привело къ тому, что интеллигенція начала оживать къ работѣ надъ этой организацией и разочаровалась какъ вообще въ успѣхъ дѣла, такъ и въ своихъ силахъ. Она стала жить проносящимся моментомъ, безъ оглядки на прошлое, безъ надежды въ будущее. А въ народѣ, напротивъ, началось вѣрочное движеніе, но такъ какъ оно явилось естественно запоздалымъ — народъ и интеллигенція разошлись, между ними началось взаимное непониманіе. Указанія на эту разнь есть во многихъ произведеніяхъ Горькаго. Многимъ казалось, что „Трое“ явились повтореніемъ раньше имъ сказаннаго, но раньше онъ писалъ лишь подготовительные эскизы, „Трое“ же — картина зрѣлаго художника, съ прекраснымъ освѣщеніемъ, на большомъ полотнѣ. Ярко выдѣляются въ ней на мутномъ фонѣ жизни фигуры борцовъ противъ гнета старшихъ поколѣній, борцовъ за право жить „чисто“:

Слѣдовали отдѣльныя характеристики „троихъ“: Илья, какъ требующаго крѣпкихъ, опредѣленныхъ идеаловъ, которыхъ жизнь не даетъ ему — откуда трагизмъ его жизни; Якова — какъ нагуры нѣжной, уходящей изъ грубой дѣйствительности въ міръ мечты; Павла, — какъ сына улицы, усвоившаго всѣ ея пороки, но съ глупою потребностью высшихъ интересовъ въ душѣ, выливающейся въ его любви къ Вѣрѣ. Въ жизни всѣхъ трехъ мальчиковъ господствуетъ одинъ главный моментъ — столкновение ма-

терій съ духомъ. Несмотря на разницу характеровъ, всѣ они борются со своею зависимою отъ людей, понимающихъ одно матеріальное благоденствіе. Они всѣ создаютъ зло житейской системы, гдѣ призрачное счастье одного создается на угнетеніи другихъ и каждого мучаетъ постоянное опасеніе, какъ бы и ему не свалиться въ яму, которую онъ рылъ другому. Свалиться же въ яму очень легко.

При пересказѣ лекторомъ главныхъ событій жизни мальчиковъ, были цитированы слова Якова: „Люди для работы, она для нихъ. Это какое-то колыбель. А гдѣ Богъ? Знаешь что: было и это сказано, — зачѣмъ? Кто то ограбилъ Бога, укралъ, спрятали объясненіе. Никто теперь не знаетъ — зачѣмъ? Сатана это сдѣлалъ“... и т. д.

Дальше приведены слова Павла: „я всю жизнь съ 10 лѣтъ работалъ, тяжелую работу дѣлалъ — позвольте же мнѣ за это жить!“

Но этотъ крикъ, прибавилъ лекторъ, теряется въ гулѣ культуры. У Горькаго часто вырвались нотки, заставившія упрекать его въ непониманіи культуры, въ отрицаніи цивилизациі. Но лекторъ совершенно оправдываетъ его. Эти нотки вырвались изъ шемящаго сердца. Мы сами упрекнули бы его въ недостатокъ гражданского чувства, еслибы ихъ у него не было. Жизнь создала столкновеніе побѣдоносно шествующей матери съ порабощеннымъ ею свободнымъ духомъ чловѣка, не уступающимъ шага изъ своей области безъ кровопролитія болѣе обильнаго, чѣмъ въ самой жестокой рѣзнь войны.

„Гранитъ, желѣзо, дерево, мостовыя, гавани, суда, люди — все дышетъ могуществомъ и бѣшено страстнымъ гимномъ Меркурію. Но голосъ людей еле слышенъ въ немъ. Слабы и смѣшны ихъ пыльныя, оборванныя фигурки, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, суетливо бѣгающія въ морѣ зноя, и такъ ничтожны въ сравненіи съ окружающимъ, съ желѣзными колоссами, гремящими вагонами, гудами товаровъ, всѣмъ, что они создали; созданное ими поработило и обезличило ихъ“. „Казалось, что-то напряженное, назрѣвшее, готово разразиться грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко... Въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это только казалось: казалось потому, что чело-

вѣкъ не усталъ надѣяться на лучшее и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ“. Эти слова, сказалъ лекторъ, слова побѣжденнаго, быть можетъ, уже раба...

Послѣ этихъ цитатъ, послѣ сочувствія лектора автору „Троихъ“ за выраженный имъ протестъ угнетенныхъ—совершенною неожиданностью былъ дальнѣйшій ходъ его мысли:

Все зло—въ современномъ отношеніи людей къ труду. Онъ пересталъ казаться имъ завѣтомъ Бога, долгомъ, и превратился для нихъ въ обузу, лишенную не только поэзіи, но и здраваго смысла. Отъ труда бѣгутъ подъ всякими предлогами: „Земля не родитъ“, говоритъ крестьянинъ. „Трудъ этотъ механиченъ, скученъ“, говоритъ интеллигентъ. Всѣ бросились искать труда легкаго. Странное созвучіе, восклицаетъ лекторъ: трудъ, и легкій! Трудъ всегда труденъ. Но важно отношеніе къ нему. Оно только можетъ сдѣлать его осмысленнымъ. Отношеніе же къ нему стало у насъ сперва легкимъ, потомъ изъ легкаго легкомысленнымъ, а потомъ и безчестнымъ.

Крестьянинъ бѣжитъ отъ земли-кормилицы, мѣщанинъ пьянствуетъ, забрасываетъ свое ремесло. Интеллигенція же избрала благую часть: сидитъ, насупившись, закутавшись въ свои настроенія и чего то ждетъ.

А что дѣлаетъ семья? Дѣти растутъ въ ней, подражая взрослымъ, безъ привычки къ труду. Связь семьи слаба; младшіе члены, вылетая изъ нея, совсѣмъ порываютъ эту связь. Вопросъ о трудѣ—въ семьѣ не рѣшается. Молодежь одинока, чужда отцамъ, и въ тяжкія минуты жизни это доводитъ ее до самоубійства. Потребность въ семьѣ страшно велика, но не удовлетворяется, и это озлобляетъ людей, губитъ.

Лекторъ подтвердилъ это примѣромъ Павла изъ „Троихъ“. Потомъ перешелъ къ описанію женскихъ типовъ Горькаго, виднувъ изъ нихъ тины падшихъ, сохранившихъ высшіе запросы въ душѣ. Отмѣчена была Вѣра и судъ надъ ней, напоминающій моментъ изъ „Воскресенія“; подробно остановился лекторъ на сценѣ, когда цинично обнажаются при публикѣ, на судѣ, душевныя раны Вѣры, несмотря на ея мольбы пощадить ее. Для публики—это бесплатное, пактатное зрѣлище. Кончая разборъ „Троихъ“, лекторъ напомнилъ описаніе симпатичнаго интеллигентнаго уголка—дома Гаврика, гдѣ „лю-

дей, что дровъ въ печи“. Сплотились они, объединенные идеей, и пылаютъ. Это мѣсто было взято въ опроверженіе мнѣнія о враждебности Горькаго къ интеллигенціи.

Резюмируя свои выводы, г. Фомиинъ снова подчеркнул, что вѣрнаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ осмыслить человѣческій трудъ, не нашли ни герои Чехова, интеллигенты, ни герои Горькаго, умственно проснувшіеся простодушны. Надо найти для труда руководящую идею, но всѣ ищутъ чего-то особеннаго, чуть не сверхъестественнаго, и никто не беретъ жизнь такую, какъ она есть. Лишь очень немногіе постигаютъ искусство жить. Баронъ Тузенбахъ у Чехова представляетъ одно изъ такихъ исключеній, когда рѣшается начать новую жизнь съ осмысленнымъ трудомъ. Формула лектора для рѣшенія этого вопроса довольно туманна: дружная работа всѣхъ людей вмѣстѣ, и не въ одномъ направленіи, а во всѣхъ, на пользу общаго прогресса. Понять, сознать это общеніе въ трудѣ, говорить объ, лучшая задача для интеллигента. Работа, такъ сознательная и добросовѣстно исполненная, будетъ лучшимъ его достоинствомъ. Мѣшаетъ этому сознанію тысячеголовое невѣжество,—этотъ сатана Якова,—съ которымъ лекторъ и пригласилъ на борьбу. Кто претендуетъ на званіе человѣка, долженъ включить въ свою программу и борьбу съ невѣжествомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Какая громадная масса работы расходуется теперь безъ системы! Какую громадную цѣнность она представила бы при друг. условіяхъ! Пусть результатъ борьбы cadaго изъ насъ будетъ ничтоженъ—въ общей суммѣ борьбы человѣчества отдѣльные ничтожные результаты составятъ солидный капиталъ.

Въ лицѣ Горькаго лекторъ увидѣлъ возвращеніе литературы къ лучшимъ завѣтамъ 19-го вѣка и сказалъ: будемъ-же внимательно прислушиваться къ ея пѣснямъ и съ непосредственнымъ романтизмомъ прошлаго вѣка стремиться къ сіяющему въ ней идеалу. Кончилась лекція цитатой изъ пѣсни о Соколѣ: „Вотъ все зазвучитъ въ стройной гармоніи звуковъ“. Эти звуки расскажутъ про тайны міра, разъяснятъ ихъ уму, а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и увлекутъ съ собой душу высоко въ темно-синюю бездну, откуда на встрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже будутъ звучать дивной музыкой откровенія“...